

УДК 159.922

DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-2-11

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ОТЦОВСКОЙ ДЕПРИВАЦИИ

Л. Э. Семенова^{1}, Т. А. Серебрякова², Н. И. Белаиш³*

*¹Нижегородский институт развития образования,
Нижний Новгород, Российская Федерация*

**e-mail: verunehka08@list.ru*

*²Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

*³Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение: в данной статье рассматривается проблема личностного становления подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации, на примере содержательных аспектов основных компонентов их Я-концепции. На основе анализа представленных в современных исследованиях фактических данных констатируется тенденция роста числа неполных (материнских) семей и специфика развития детей и подростков из таких семей. Дана общая оценка степени изученности проблемы Я-концепции в подростковом возрасте и показана ее недостаточная разработанность применительно к подросткам, воспитывающимся в условиях отцовской депривации.

Материалы и методы: проведен сравнительный анализ особенностей содержательных аспектов основных структурных компонентов Я-концепции подростков из полных и материнских семей, общей численностью 170 человек. Изучены содержательные характеристики когнитивного компонента Я-концепции – образа Я и проявления эмоционального компонента – самооценки, включая общее самопринятие подростков.

Результаты исследования: получены данные, свидетельствующие о некоторой специфике становления Я-концепции подростков, воспитывающихся в материнских семьях без участия отца. В частности, в исследовании найдено подтверждение гипотезы о том, что отцовская депривация оказывает существенное влияние на содержание образа Я подростков, что находит свое отражение как в количественных, так и в качественных особенностях их самоописаний. Кроме того, по результатам сравнительного анализа установлен факт наличия у подростков из материнских семей более низких показателей по большинству параметров самооценки, за исключением сферы романтических отношений.

Обсуждение и заключения: в целом полученные результаты исследования позволили обозначить преобладающие самопредставления подростков из полных и материнских семей, а также характер их самооценки по наиболее значимым для данного возраста параметрам.

Ключевые слова: Я-концепция, образ Я, самооценка, материнские семьи, отцовская депривация, подростки.

Для цитирования: Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Белаш Н.И. Особенности Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №2. С. 11.

FEATURES OF SELF-CONCEPT OF ADOLESCENTS WHO ARE BROUGHT UP IN THE CONDITIONS OF PATERNAL DEPRIVATION

L. E. Semenova^{1}, T. A. Serebriakova², N. I. Belash³*

¹Nizhny Novgorod Institute of Education Development, Nizhny Novgorod, Russian Federation

**e-mail: verunetchka08@list.ru*

*²Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

*³Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction: this article deals with the problem of personal development of adolescents who are brought up in the conditions of paternal deprivation, on the example of the content aspects of the main components of their Self-concept. On the basis of the analysis of the actual data presented in modern studies, the trend of growth in the number of incomplete (maternal) families and the specifics of the development of children and adolescents from such families is stated. The author gives a general assessment of the degree of study of the problem of Self-concept in adolescence and shows its lack of development in relation to adolescents raised in conditions of paternal deprivation.

Materials and Methods: a comparative analysis of the features of the content aspects of the main structural components of the Self-concept of adolescents from full and maternal families, a total of 170 people was carried out. The content characteristics of the cognitive component of the Self-concept – Self-image and the manifestations of the emotional component – Self-rating, including the general self-acceptance of adolescents are studied.

Results: data of some specificity of the formation of Self-concept of adolescents who are brought up in the conditions of paternal deprivation were received. In particular, the study confirmed the hypothesis that paternal deprivation has a significant impact on the content of the adolescent's Self-image, which is reflected in both quantitative and qualitative features of their Self-descriptions. In addition, the results of comparative analysis it was determined that the presence of adolescents who are brought up mothers to lower performance in most of the parameters of the Self-rating, except in the area of romantic relationships.

Discussion and Conclusions: in general, the results of the study allowed identifying the predominant Self-representation of adolescents from full and maternal families, as well as the nature of their Self-rating in the most important parameters for this age.

Keywords: Self-concept, Self-image, Self-rating, maternal family, paternal deprivation, adolescents.

For citation: Semenova L.E., Serebriakova T.A., Belash N.I. Features of self-concept of adolescents who are brought up in the conditions of paternal deprivation // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7, no. 2. P 11.

Введение

Современные подростки растут и развиваются в условиях информационного общества эпохи постмодерна, культурный контекст которого характеризуется плюрализмом и эклектизмом, переоценкой ранее казавшихся незыблемыми ценностей и норм, а также переизбытком информации и высокими темпами социальных изменений [2; 6; 11; 17; 18; 32; 50 и др.]. Соответственно эти условия накладывают свой отпечаток и на личностное становление подростков [5; 23; 31; 33; 47; 48; 51; 55; 56; 58 и др.], в том числе их самосознание, достигающее к подростковому возрасту нового уровня и приобретающее совершенно иное качественное наполнение [27; 39; 54 и др.].

Одним из наиболее интересных и значимых феноменов самосознания является его итоговый продукт – Я-концепция личности, – исследованию которого посвящены работы многих зарубежных и отечественных авторов. Так, в частности, выделены и изучены основные структурные компоненты Я-концепции, описаны их генезис, возрастные особенности и условия становления, определены ведущие функции Я-концепции и роль данного феномена для индивидуальной жизни личности [1; 7; 16; 25; 34; 39; 44; 46; 49; 57 и др.], а также выявлены некоторые аспекты гендерной специфики Я-концепции [3; 35; 38 и др.]. При этом особый интерес у исследователей вызывают проблемы возрастной динамики Я-концепции и ее основных компонентов, в том числе анализ их особенностей и претерпеваемых изменений применительно к подростковому возрасту с учетом разных социальных и личностных факторов [10; 14; 19; 28; 39; 54 и др.]. Среди такого рода факторов одно из центральных мест отводится значимым другим и, прежде всего, семье, в пространстве которой ребенок накапливает знания об окружающем его мире и о самом себе [9]. Именно отношение близких, особенно родителей, закладывает основу Я-концепции ребенка, способствуя либо развитию аутосимпатии и, как следствие, росту самоуважения, либо самоуничижению и принятию себя [7; 21 и др.].

Вместе с тем как социальный институт семья сама в свою очередь отражает происходящие в современном обществе социально-экономические трансформации [11; 12; 20; 25; 30; 52 и др.], что приводит к отходу от ее традиционной модели, снижению рождаемости и росту нестабильности брака и, как следствие, росту числа разводов, которое, по оценкам ряда специалистов, является самым высоким в мире [12].

На сегодняшний день развод считается наиболее частой причиной возникновения неполных (чаще всего материнских) семей, в которых вклад отца в воспитание детей либо очень мал, либо и вовсе отсутствует, что, в свою очередь, позволяет говорить об отцовской (патеральной) депривации.

Следует отметить, что значимость роли отца в жизни и развитии ребенка получила признание в психологической науке относительно недавно, поскольку долгое время отец не считался «полноценным» родителем ни в нашей стране, ни за рубежом [4; 8; 25 и др.]. Ученым удалось показать уникальность влияния отца на интеллектуальное и личностное развитие ребенка, а также недопустимость исключения мужчины из жизни его детей [8; 20;

22; 25; 26; 60; 61 и др.]. Однако в то же время до сих пор насчитывается крайне малое количество работ, посвященных изучению специфики Я-концепции и ее структурных компонентов у детей, воспитывающихся в условиях отцовской депривации [28; 37; 41 и др.], что позволяет считать эту проблему крайне актуальной.

Обзор литературы

По сведениям Росстата, на сегодняшний день количество материнских семей составляет примерно 29% от общего числа семей, к тому же этот показатель может увеличиваться в связи с постоянным ростом количества разводов в нашей стране [12]. При этом исследования неполных (материнских) семьи свидетельствуют о том, что они имеют свои особенности в плане влияния на подрастающего в них ребенка [8; 13; 20; 22; 29; 36; 45 и др.].

Прежде всего, необходимо отметить, что в материнских семьях нередко складываются тесные (симбиотические) отношения ребенка с матерью, вследствие которых могут возникнуть сложности с сепарацией, эмоциональные проблемы и сложности в становлении личности в целом [22]. К тому же, если речь идет о мальчике, нередко при отсутствии отца он воспитывается в условиях гиперопекающего, потакающего и даже инфантилизирующего материнского отношения, что в итоге приводит к проблемам в поведении и общении, в частности, к неспособности понимания чувств других людей и повышенному эгоцентризму [36].

Кроме того, условия отцовской депривации негативно сказываются и на процессе самосознания детей. Так, изучая представления о себе у детей младшего школьного возраста из разведенных семей с помощью рисунков, Н.М. Соколикova обнаружила у большинства из них отсутствие образа будущего, а также наличие представлений о будущей семье, состоящей из двух фигур, т.е. тоже неполной. При этом для детей характерным является состояние, склонное к депрессивному, чувство печали и одиночества, низкая самооценка, которая в большей степени оказывается присуща мальчикам [37].

Однако наиболее ярко особенности и последствия воспитания ребенка в условиях отцовской депривации проявляются в подростковом возрасте, когда обычно также увеличивается и число семей с одним родителем (преимущественно матерями). Хотя что касается непосредственно специфики Я-концепции подростков из материнских семей, то такого рода данные на сегодняшний день, к сожалению, остаются единичными. В то же время такого рода информация приобретает особую значимость в силу того, что в подростковом возрасте в самосознании ребенка наблюдаются существенные изменения, а именно: происходит становление его нового уровня.

Отличительной чертой этого нового уровня самосознания подростка является самоинтерес, следствием которого становится стремление понять свой внутренний мир (свои переживания и мысли), свои особенности и возможности, определить свое сходство с другими людьми, а также отличия от них, т.е. свою уникальность [24; 39; 42 и др.].

И.С. Кон, назвавший этот процесс «открытие Я», приводит уточнение Л.С. Выготского о том, что «в данном случае речь идет не об открытии ребенком чего-то нового, неизведанного, но о формировании «интегративного сознания», которое станет итогом подросткового возраста, его квинтэссенцией» [24, с. 270].

Изменения, происходящие с самосознанием ребенка на этапе подростничества, не могут не повлиять также и на его Я-концепцию – итоговый продукт процесса самосознания. Как показывают некоторые исследования [7; 9; 14; 21 и др.], этот феномен имеет свои

возрастные особенности, которые будут проявляться также в когнитивном и эмоционально-ценностном компонентах Я-концепции.

Так, изменения в когнитивном компоненте можно наблюдать в самоописаниях подростков, которые при переходе от младшего школьного к младшему подростковому возрасту (10-11 лет) содержат все меньшее количество упоминаний о внешности ребенка, его родителях и семье и, напротив, сосредоточены на ролевых характеристиках, умениях и увлечениях, вещах, которые ему принадлежат, а также друзьях [7; 39].

В свою очередь эмоционально-ценностный компонент Я-концепции наполняется отчетливо сформированными представлениями младшего подростка о своей успешности (или неуспешности) в разных сферах жизни, сочетающимися с общим положительным самоотношением, которое проявляется вследствие обнаружения у себя различных способностей, но при этом в большинстве случаев по-прежнему определяется суждениями других людей [7; 39 и др.].

Переломным в процессе становления самоотношения считается возраст 13-14 лет, когда с развитием личностной рефлексии у подростков, с одной стороны, возникает самоинтерес, составляющий основу их самооценки, а с другой – одновременно наблюдается рост самокритичности [39].

Кроме того, многие исследователи отмечают, что подросток часто ведет себя парадоксально: неустойчивость его самопредставлений приводит к двойственности восприятия себя одновременно «как большого» и «как маленького», вследствие чего в его поведении сочетаются негативизм и конформность, независимость и просьбы о помощи. В терминах Я-концепции такое явление можно объяснить попыткой подростка соотнести представление о себе во времени (Я настоящее) и модальности Я-концепции (Я реальное, Я идеальное) с представлениями о себе во времени (Я прошлое – Я будущее). При этом к двум последним он относится амбивалентно: будучи эмоционально значимыми, и «Я прошлое», и «Я будущее» одновременно привлекают и отталкивают его, вызывая, таким образом, внутреннюю сумятицу. Другими словами, вступая в острый конфликт, подросток вынужден метаться между двумя полюсами образа Я, которыми являются «Я маленький» – «Я большой» [7; 39; 42].

И все же наиболее ярко внутренняя конфликтность личности обнаруживает себя в самоотношении подростков из неполных (материнских) семей, для которых, в отличие от их сверстников из полных семей, оказываются свойственны самообвинение и самоуничижение, что является свидетельством наличия у них общего негативного самоотношения, а также более интенсивное использование механизмов психологических защит как способов разрешения внутренних противоречий [28].

Более того, по данным исследования Д.С. Муратовой и Е.В. Филипповой, у девочек подросткового возраста, воспитывающихся без участия отца, наблюдаются смутные и неопределенные, в большей степени пессимистичные представления о своем будущем, а также внутренняя неготовность к саморазвитию, неуверенность в своих силах что-либо изменить [29].

Иными словами, ситуация развития ребенка в материнской семье нередко способствует возникновению у подростков чувства собственной неполноценности, что находит свое отражение в различных негативных проявлениях их Я-концепции. Однако такого рода информация на сегодняшний день, к сожалению, исчерпывается только отдельными фактами, что, разумеется, не позволяет составить более полное представление о

специфике Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации. Именно данный факт и побудил нас к проведению собственного сравнительного исследования с участием подростков из полных и материнских семей.

Материалы и методы

Итак, целью своего исследования мы определили изучение особенностей содержательных аспектов основных структурных компонентов Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации. При этом в качестве основного предположения нами была сформулирована следующая гипотеза: содержательные характеристики основных структурных компонентов Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях полной и материнской семьи, будут иметь некоторые различия.

Данное предположение было конкретизировано рядом частных:

1. Отцовская депривация может оказывать значительное влияние на содержание когнитивного компонента Я-концепции (образ Я) подростков, что находит свое отражение в количественных и качественных особенностях самоописаний подростков из материнских семей по сравнению с их сверстниками из полных семей.

2. Эмоциональный компонент Я-концепции (самооценка) подростков, воспитывающихся без участия отца, может иметь некоторую специфику, заключающуюся в преобладании у них более низких показателей самооценки своей компетентности в разных сферах и, прежде всего, в плане общего самопринятия.

Основу нашего эмпирического исследования составил сравнительный метод, включающий следующие диагностические процедуры:

– методика М. Куна и Т. Макпартленда «Кто Я? Какой(ая) Я?» (сокращенный вариант 10 ответов) для изучения содержательных аспектов когнитивного компонента Я-концепции;

– подростковый вариант личностного опросника С. Хартер для изучения эмоционального компонента Я-концепции.

В свою очередь для обработки полученных данных применялся метод контент-анализа, а также методы математической статистики, среди которых:

а) расчет средних значений и стандартного отклонения от средних значений;

б) t-критерий Стьюдента и критерий ϕ – угловое преобразование Фишера для определения достоверности различий в содержательных характеристиках структурных компонентов Я-концепции между разными группами испытуемых (подростки из полных и материнских семей).

В качестве испытуемых в нашем исследовании принимали участие 170 подростков 13-14 лет; из них 80 воспитываются в полной семье и 90 – в условиях отцовской депривации.

Результаты исследования

Обратимся к результатам сравнительного анализа содержательных аспектов когнитивного компонента Я-концепции (образа Я) подростков, воспитывающихся при участии отца и без него, которые нашли свое отражение в таблице 1.

Таблица 1 – Содержательные аспекты образа Я подростков, воспитывающихся в полных и материнских семьях / Table 1 – The substantial aspects of the image of I am of adolescents who are brought up in full and maternal families

| Категория самоописаний / Self-description category | | Испытуемые / Test subjects | | φ – критерий углового преобразования Фишера / φ – criterion of angular Fisher transformation |
|--|--|--|---|--|
| | | Подростки из полных семей (кол. / %) / Teens from complete families (quantity / %) | Подростки из материнских семей (кол. / %) / Adolescents from maternal families (quantity / %) | |
| Социальные / Social | Пол / Floor | 4 / 0,5 | 13 / 1,6 | 2,23 (p≤0,05) |
| | Возраст / Age | 6 / 0,7 | 6 / 0,8 | 0,22 |
| | Демографические роли / Demographic roles | 7 / 0,9 | 5 / 0,6 | 0,70 |
| | Семейные роли / Family roles | 31 / 4,0 | 34 / 4,3 | 0,30 |
| | Дружеские роли / Friendly roles | 21 / 2,7 | 19 / 2,4 | 0,38 |
| | Профессиональные роли / Professional roles | 43 / 5,4 | 67 / 8,4 | 2,37 (p≤0,01) |
| Личностные / Personal | Внешность / Appearance | 51 / 6,5 | 61 / 7,6 | 0,86 |
| | Здоровье / Health | 5 / 0,6 | 3 / 0,4 | 0,56 |
| | Физические качества и атлетические способности / Physical qualities and athletic abilities | 39 / 4,9 | 34 / 4,3 | 0,56 |
| | Взаимодействие с окружающими / Interaction with others | 167 / 21,1 | 156 / 19,6 | 0,76 |
| | Интеллектуальные способности и учебная компетентность / Intellectual Abilities and Learning Competence | 44 / 5,6 | 36 / 4,5 | 1,00 |
| | Эмоциональные характеристики / Emotional characteristics | 69 / 8,7 | 55 / 6,9 | 1,33 |
| | Волевые характеристики / Strong-willed characteristics | 10 / 1,3 | 11 / 1,4 | 0,16 |
| | Особенности поведения / Behavior features | 50 / 6,3 | 44 / 5,5 | 0,65 |
| | Увлечения, интересы / Hobbies, interests | 71 / 9,0 | 67 / 8,4 | 0,42 |

| Категория самоописаний / Self-description category | Испытуемые / Test subjects | | φ – критерий углового преобразования Фишера / φ – criterion of angular Fisher transformation |
|---|--|---|--|
| | Подростки из полных семей (кол. / %) / Teens from complete families (quantity / %) | Подростки из материнских семей (кол. / %) / Adolescents from maternal families (quantity / %) | |
| Умения и навыки / Skills and abilities | 44 / 5,6 | 41 / 5,1 | 0,44 |
| Мечты и представления о будущем / Dreams and visions of the future | 17 / 2,2 | 4 / 0,5 | 3,10 (p≤0,01) |
| Отвержения / отказ от деятельности / Rejection / rejection | 8 / 1,0 | 13 / 1,6 | 1,10 |
| Некомпетентность (неэффективность) / Incompetence (inefficiency) | 22 / 2,8 | 37 / 4,6 | 1,91 (p≤0,05) |
| Самообвинения, самоуничижения / Self-incrimination | 17 / 2,2 | 19 / 2,4 | 0,26 |
| Домашние животные, предметы собственности / Pets, property items | 5 / 0,6 | 7 / 0,9 | 0,70 |
| Сказочные персонажи и метафорические сравнения / Fairy-tale characters and metaphorical comparisons | 5 / 0,6 | 16 / 2,0 | 2,57 (p≤0,01) |
| Философские рассуждения / Philosophical reasoning | 24 / 3,0 | 15 / 1,9 | 1,41 |
| Характеристики общего плана / General characteristics | 30 / 3,8 | 34 / 4,3 | 0,52 |
| Всего: Σ (кол. / %) / Total: Σ (quantity / %) | 790 / 100 | 797 / 100 | |

Анализируя полученные данные, мы обратили внимание на то, что в образе Я подростков обеих групп существенно преобладают личностные характеристики, связанные с их взаимодействием с окружающими людьми (21,1% высказываний у подростков из полных и 19,6% высказываний у подростков из материнских семей), что полностью соответствует возрастным особенностям наших испытуемых и, прежде всего, свидетельствует о значимости для них интимно-личностного общения со сверстниками. В то же время, как можно видеть из таблицы 1, учебная компетентность и имеющие к ней отношение интеллектуальные способности в содержании образа Я подростков из разных типов семей

встречаются на порядок реже (5,6% упоминаний у подростков из полных семей и 4,5% упоминаний у подростков из материнских семей), что позволяет говорить об отсутствии центрированности самопредставлений наших испытуемых на этих личностных характеристиках. Иными словами, в подростковом возрасте учебная деятельность как бы уходит на второй план, уступая первенство общению и социальным контактам.

На втором месте по количеству упоминаний у подростков из полных семей находятся самоописания, иллюстрирующие их увлечения и интересы (9% высказываний), за которыми следом идут эмоциональные характеристики (8,7% высказываний), а далее – в порядке уменьшения – характеристики внешности (6,5%) и особенности поведения (6,3%). Для сравнения у подростков из материнских семей на втором месте оказываются сразу две группы самохарактеристик, а именно: увлечения и интересы и профессиональные роли (по 8,4% высказываний) и уже несколько реже встречаются упоминания о внешности (7,6%) и эмоциональных характеристиках (6,9%).

Напротив, реже всего в образе Я подростков, как из полных, так и материнских семей встречаются упоминания о возрасте (0,7% и 0,8% соответственно), здоровье (0,6% и 0,4% соответственно), демографических ролях (0,9% и 0,6% соответственно), предметах собственности и домашних животных (0,6% и 0,9% соответственно), а также указания пола (0,5%), сопоставления себя со сказочными персонажами (0,6%) и отказ от деятельности (1%) у испытуемых, воспитывающихся в полной семье, и упоминания о своих мечтах и будущем (0,5%) у их сверстников, воспитывающихся в условиях отцовской депривации.

Выходит, что для подростков, с одной стороны, еще практически незначимым является их здоровье и возраст, тогда как с другой – уже малоактуальными оказываются принадлежащие им вещи, предметы собственности, которые обычно составляют существенную часть образа Я более младших детей [38].

Что же касается статистически значимых различий, то, как видно из таблицы 1, они были констатированы по пяти категориям самоописаний подростков, при этом в четырех случаях такие различия оказались в пользу испытуемых из материнских семей и только в одном случае – в пользу их сверстников из полных семей.

Так, подростки из материнских семей на порядок чаще сообщали о своей половой принадлежности ($\varphi=2,23$ при $p \leq 0,05$), причем, по нашим данным, в большинстве случаев это делали мальчики. Кроме того, в их самоописаниях гораздо чаще встречались и упоминания о потенциальных профессиональных ролях ($\varphi=2,37$ при $p \leq 0,01$). Поясним, что, на наш взгляд, такие результаты могут быть связаны с дополнительными финансовыми сложностями материнских семей, переживание которых побуждает взрослеющих детей гораздо раньше и более серьезно задумываться о своей будущей профессии как способе материального обеспечения. Именно такой акцент мы и находим в ответах наших испытуемых.

В то же время обращает на себя внимание и факт значительного преобладания в ответах подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации, категории «некомпетентность» ($\varphi=1,91$ при $p \leq 0,05$), что наглядно свидетельствует не только об их более высокой самокритичности, но и о более выраженных по сравнению с подростками из полных семей негативных аспектах самопредставлений. В частности, подтверждением наличия последних служат просьбы отдельных испытуемых о разрешении «писать про себя плохо», с которой они обращались к исследователю. Полагаем, что такая тенденция может являться не только отражением негативных внешних оценок, но и следствием

травмирующих событий развода родителей, ухода отца, который многие дети переживают как предательство или проявление нелюбви по отношению к себе [7; 15; 40].

Не исключено, что подобного рода переживаниями объясняется и крайне редкое обращение подростков из неполных семей к высказываниям о своем будущем, тогда как их сверстники из полных семей довольно часто упоминают о своих мечтах, касающихся будущего ($\varphi=3,10$ при $p\leq 0,01$). Иными словами, травматичный опыт разрыва отношений многих подростков с отцом, вероятно, неотреагированный, ощущение собственной ненужности одному из родителей приводит к их негативному восприятию себя и страху заглянуть в свое будущее, хотя именно будущее могло бы стать своего рода компенсацией неудач и негатива прошлого. Однако в нашем случае мы, по всей видимости, сталкиваемся с попыткой этих подростков спрятаться за маской сказочных/мифических персонажей, обращение к которым встречается у испытуемых, воспитывающихся без участия отца, на порядок чаще, чем у их сверстников из полных семей ($\varphi=2,57$ при $p\leq 0,01$).

Заметим, что в ходе проводимого исследования помимо количественного мы также осуществляли и качественный анализ полученных данных, который, в частности, предполагал учет последовательности упоминаний той или иной характеристики как отражения ее субъективной значимости для испытуемых.

Соответственно, в этом плане нам удалось убедиться в том, что у абсолютного большинства подростков из полных семей наблюдается тенденция, иллюстрирующая высокую степень значимости для них, в первую очередь, личностных качеств, связанных с их взаимодействием с окружающими («я отзывчивая, скромная», «я добрый, дружелюбный», «я немного вредная», «я стеснительная», «я общительный», «я заботливый, справедливый», «вежливый» и т.п.). Кроме того, первые позиции в списке их самоописаний занимают эмоциональные характеристики («я смешной», «задумчивый», «я веселая», «вспыльчивая» и др.), внешность, описания которой даются в основном в позитивной ключе («я симпатичная», «стильная», «я красивый, привлекательный» и др.), а также интеллектуальные способности («я умная, сообразительная», «хорошо разбираюсь в математике» и т.п.).

В свою очередь подростки, воспитывающиеся в условиях отцовской депривации, как и их сверстники из полных семей, достаточно часто в качестве первоочередных также выделяют у себя личностные качества, связанные с их взаимодействием с окружающими («я ревнивый», «я уступчивая, обидчивая», «я могу быть хорошим собеседником», «я ранимая» и т.п.) и внешность («я красивая», «я высокая, худая», «я красавчик» и др.), располагая эти самохарактеристики в начале списка своих ответов, иногда чередуя их с упоминаниями семейных и потенциальных профессиональных ролей.

При этом важным отличием образа Я подростков, воспитывающихся без участия отца, на наш взгляд, является достаточно часто встречаемое в числе первых ответов указание своей некомпетентности («я ленивый», «не могу расширить свой круг общения», «не умею справляться с трудностями», «неуверенная в себе» и т.п.). Поясним, что такого рода самоописания наблюдались и у подростков из полных семей («неудачник», «плохо учу стихотворения», «много ленюсь, хотя мог заниматься полезным делом» и др.), но, судя по последовательности их изложения, они не имеют такой субъективной значимости, поскольку не оказываются в числе первоочередных самохарактеристик.

Кроме того, анализируя ответы подростков, воспитывающихся в материнской семье, мы заметили, что многие из них скрывают информацию о том, что их семья неполная. И это

лишний раз может свидетельствовать о том, что наличие в семье только одного родителя переживается подростком весьма травматично. К тому же не исключено, что отсутствие отца снижает авторитет подростка в группе сверстников, в результате чего он пытается скрывать факт неполной семьи, заменяя его каким-то фантомом. Однако это утверждение носит скорее гипотетический характер и, следовательно, нуждается в специальной проверке.

Таким образом, резюмируя изложенное выше, мы можем говорить о том, что наша гипотеза относительно специфики когнитивного компонента Я-концепции (образа Я) подростков, воспитывающихся в условиях полной и материнской семьи, нашла свое подтверждение: как мы и предполагали, отцовская депривация оказывает существенное влияние на содержание образа Я подростков, что находит свое отражение как в количественных, так и в качественных особенностях их самоописаний.

Следующим этапом нашего исследования стало сравнительное изучение особенностей эмоционально-ценностного компонента Я-концепции – самооценки подростков, воспитывающихся в полных и материнских семьях. Все полученные в этом плане результаты нашли свое отражение в таблице 2.

Таблица 2 – Особенности самооценки подростков, воспитывающихся в полных и материнских семьях / Table 2 – Features of self-esteem of adolescents brought up in full and maternal families

| Шкала / Scale | Тип семьи / Type of family | Среднее значение (X) / Mean (X) | Стандартное отклонение (σ) / Standard Deviation (σ) | t-критерий Стьюдента / Student's t-test |
|---|----------------------------|---------------------------------|---|---|
| Школьная компетентность / School competence | Полная / Complete | 14,11 | 3,41 | 2,84 (p≤0,01) П. |
| | Неполная / Incomplete | 12,83 | 2,13 | |
| Социальное принятие / Social acceptance | Полная / Complete | 13,25 | 3,54 | 1,96 (p≤0,05) П. |
| | Неполная / Incomplete | 12,27 | 2,98 | |
| Атлетическая компетентность / Athletic competence | Полная / Complete | 13,44 | 3,18 | 0,31 |
| | Неполная / Incomplete | 13,29 | 3,04 | |
| Физическая форма / Physical form | Полная / Complete | 11,81 | 3,90 | 1,07 |
| | Неполная / Incomplete | 12,43 | 3,63 | |
| Профессиональная компетентность / Professional competence | Полная / Complete | 12,64 | 2,67 | 0,18 |
| | Неполная / Incomplete | 12,57 | 2,54 | |
| Романтическое влечение / Romantic | Полная / Complete | 11,13 | 2,40 | 2,00 (p≤0,05) Н. |

| Шкала / Scale | Тип семьи / Type of family | Среднее значение (X) / Mean (X) | Стандартное отклонение (σ) / Standard Deviation (σ) | t-критерий Стьюдента / Student's t-test |
|--|------------------------------|---------------------------------|---|---|
| attraction | Неполная / Incomplete | 11,95 | 2,91 | |
| Поведение / Behavior | Полная / Complete | 12,33 | 3,22 | 1,02 |
| | Неполная / Incomplete | 11,85 | 2,87 | |
| Близкие дружеские отношения / Close friendships | Полная / Complete | 14,91 | 3,14 | 3,28 (p\leq0,01) П. |
| | Неполная / Incomplete | 13,17 | 3,78 | |
| Глобальная / общая самооценка / Global / overall self-assessment | Полная / Complete | 13,22 | 3,51 | 0,96 |
| | Неполная / Incomplete | 12,74 | 3,18 | |

Примечание: П. – достоверность различий в пользу подростков из полных семей; Н. – достоверность различий в пользу подростков из неполных семей / *Note:* P. – the reliability of differences in favor of adolescents from complete families; N. – the reliability of differences in favor of adolescents from single-parent families.

Итак, как можно видеть из таблицы 2, согласно полученным нами данным, для подростков обеих групп по большинству шкал оказались характерны показатели среднего уровня самооценки. На наш взгляд, это может говорить, с одной стороны, о том, что представленные в опроснике аспекты эмоционально-ценностного компонента Я-концепции подростков (поведение, профессиональная и школьная компетентность, физическая форма и др.) расцениваются ими в целом как примерно равные в плане степени выраженности собственной компетентности, тогда как с другой – о присущей для многих из них самокритичности, о чем свидетельствует отсутствие у большинства из них высоких баллов. Другими словами, многие из наших испытуемых склонны считать себя практически одинаково компетентными в совершенно разных сферах, демонстрируя при этом достаточно выраженную самокритичность.

В то же время следует отметить, что наиболее высокие показатели самооценки у подростков были констатированы по шкале «Близкие дружеские отношения» (особенно у тех, кто воспитывается в полной семье), что полностью соответствует возрастным особенностям испытуемых и, прежде всего, свидетельствует о значимости для них интимно-личностного общения со сверстниками. Однако наряду с этим обращает на себя внимание существенный разброс данных (особенно у подростков из материнских семей), что свидетельствует о расхождениях в индивидуальном опыте подростков относительно их способности к установлению близких отношений с другими людьми. Кроме того, именно по этой же шкале нами были зафиксированы самые ярко выраженные статистически значимые различия в пользу испытуемых из полных семей ($t=3,28$ при $p\leq 0,01$), что позволяет говорить об их большей компетентности в плане дружеских отношений.

Также в пользу подростков из полных семей были установлены статически значимые различия и еще по ряду параметров самооценки, среди которых социальное принятие ($t=1,96$ при $p \leq 0,05$) и школьная компетентность ($t=2,84$ при $p \leq 0,01$). Иными словами, в отличие от этих испытуемых их сверстники, воспитывающиеся без участия отца, ощущают себя менее привлекательными в глазах сверстников, что полностью согласуется с данными по шкале дружеских отношений, и вместе с тем гораздо ниже оценивают свои способности и достижения в учебной деятельности. Подчеркнем, что во многом аналогичные факты фиксировались в научной литературе и прежде [8].

Напротив, в пользу подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации, было зафиксировано статистически значимое превосходство по шкале «*Романтическое влечение*» ($t=2,00$ при $p \leq 0,05$), причем, согласно данным нашего исследования, это был единственный случай, когда различия оказались в пользу испытуемых этой группы. А это значит, что в 13-14 лет подростки из материнских семей чувствуют себя более компетентными только в плане романтических отношений, тогда как для их сверстников из полных семей этот аспект отношений представляется менее актуальным. На наш взгляд, такого рода результаты частично подтверждают уже имеющиеся в психологии данные о более раннем взрослении подростков (девочек) из неполных семей в плане интимной близости [43]. Однако, судя по средним значениям самооценки, считать романтические отношения в качестве основы собственной самооценности этих подростков будет некорректным, поскольку даже по шкале школьной компетентности их показатели несколько выше, чем по романтическим отношениям ($X=12,83$ и $X=11,95$ соответственно).

Что же касается особо интересующего нас уровня общей/глобальной самооценки (самопринятия) наших испытуемых, то в этом плане статистически значимые различия зафиксированы не были. Более того, как у подростков из полных семей, так и у подростков из материнских семей средние значения по этой шкале оказались не самыми высокими, хотя у первых из них уровень самопринятия в целом все же несколько выше.

Таким образом, основываясь на результатах предпринятого нами анализа, мы убедились в том, что в возрасте 13-14 лет для многих подростков оказывается характерна достаточно высокая самокритичность, что находит отражение в показателях уровня их самооценок собственной компетентности по большинству сфер. При этом, согласно полученным в исследовании данным, наша гипотеза относительно специфики эмоционального компонента Я-концепции (самооценка) подростков, воспитывающихся в условиях полной и материнской семьи, нашла частичное подтверждение. Так, если, с одной стороны, было установлено, что по большинству параметров самооценки более высокие показатели наблюдаются у подростков, воспитывающихся с участием отца, что особенно ярко проявляется в отношении таких сфер, как школьная компетентность, социальное принятие и дружеские отношения, то с другой – была выявлена и одна сфера большей компетентности подростков из неполной семьи, которые приписывают себе успешность в области романтического общения. К тому же, как оказалось, вопреки нашему предположению, глобальное самопринятие/общая самооценка испытуемых из разных типов семей существенных различий не имеет.

Обсуждение и заключения

Итак, проведенное нами исследование, посвященное изучению особенностей Я-концепции подростков, воспитывающихся в условиях отцовской депривации и при участии отца, позволило установить ряд различий в содержательных аспектах образа Я и самооценки подростков из полных и материнских семей. В частности, необходимо отметить тот факт, что, согласно полученным нами данным, отсутствие отца определяет особую центрированность самопредставлений подростков на своей половой принадлежности, будущих профессиональных ролях, идентификации со сказочными/мифическими персонажами и собственной неэффективности, поскольку именно по данным самоописаниям были обнаружены статистически значимые различия в пользу испытуемых этой группы. Выходит, что эти подростки гораздо чаще своих сверстников из полной семьи признают свои «минусы» и слабые стороны, думают о будущей профессиональной деятельности, в основном приносящей финансовый доход, позиционируют свой пол и одновременно обращаются к сопоставлению себя с различными виртуальными образами, которые можно считать своеобразной метафорической маской их личности («Стойкий оловянный солдатик», «Баранкин», «Ослик Иа», «Гадкий утенок», «Женщина-кошка» и др.). И, напротив, на порядок реже, нежели подростки, воспитывающиеся при участии отца, они характеризуют себя через свои мечты и представления о будущем. При этом наиболее важным диагностическим показателем, на наш взгляд, следует, прежде всего, признать наличие в образе Я подростков из материнских семей достаточно большого числа негативных самоописаний, характеризующих некоторые аспекты их некомпетентности и тем самым свидетельствующих о личностном неблагополучии этих испытуемых.

Вместе с тем, как показало наше исследование, отцовская депривация оказывает некоторое влияние и на специфику самооценки подростков, что в первую очередь отражается на ее значительно более низких показателях по ряду аспектов этого структурного компонента Я-концепции в сравнении с подростками из полных семей. В частности, мы убедились в том, что подростки, воспитывающиеся без участия отца, гораздо ниже оценивают свои возможности в сфере школьной компетентности, а также свою популярность среди сверстников и соответственно компетентность в дружеских отношениях. Полагаем, что этот факт можно рассматривать как достаточно тревожный, поскольку, как известно, подростковый возраст вращается вокруг отношений со сверстниками, общение с которыми является ведущим видом деятельности в этом возрасте. Поэтому переживания своей непопулярности может негативно сказываться на самочувствии подростков и даже оказываться одним из мотивов их суицидального поведения. Значит, становится необходима своевременная психологическая помощь и поддержка, способная снизить остроту негативных переживаний в этом плане и сориентировать на конструктивное поведение. Только в одной сфере подростки из материнских семей чувствуют себя более компетентными, нежели их сверстники из полных семей. И такой сферой являются романтические отношения, что свидетельствует о более раннем взрослении подростков из неполных семей в плане интимной близости. Не исключено, что именно в этой сфере такие подростки ищут точки своей опоры, пытаются компенсировать ощущение собственной ненужности одному из родителей и свою непопулярность в группе сверстников, что в итоге позволяет им справляться с травматичным жизненным опытом.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что отцовская депривация, действительно, оказывает определенное влияние на содержание основных структурных компонентов Я-концепции подростков, обуславливая как специфику их представлений о себе (образ Я), так и характер их самооценки.

Список использованных источников

1. Агапов В.С. Системное изучение Я-концепции субъекта в российской психологии // Акмеология. 2013. №1(45). С. 27-30.
2. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
3. Архиреева Т.В. Гендерные особенности критического самоотношения и его детерминации у детей младшего школьного возраста // Культурно-историческая психология. 2011. №2. С. 98-105.
4. Архиреева Т.В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции. Часть 1 / под ред. О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой, С.М. Чурбановой, Н.Н. Васягина. М.-Звенигород, Екатеринбург, 2015. С. 549-564.
5. Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Том 6, №30. С. 5. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858> (дата обращения: 13.02.2019).
6. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Проблемы социализации: история и современность. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 216 с.
7. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 420 с.
8. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. М.-Обнинск: «Иг-Социн», 2007. 220 с.
9. Бубнова И.С., Рерке В.И. Специфика современных условий семейного воспитания подростков и ее влияние на формирование их Я-концепции // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2013. №1(72). С. 211-214.
10. Бухаленкова Д.А., Карабанова О.А. Особенности самооценки у подростков с разным пониманием успеха // Национальный психологический журнал. 2018. №3(31). С. 148-157.
11. Варга А.Я., Будинайте Г.Л. Современный брак: новые тенденции // Системная психотерапия супружеских пар. М.: Когито-Центр, 2017. С. 7-24.
12. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. №11. С. 99-110.
13. Гурко Т.А., Орлова Н.А. Развитие личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 2011. №10. С. 99-108.
14. Долгова В.И., Кошелева А.А. Феномен «Я-концепция» подростка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. №7. С. 139-143.
15. Дольто Ф. На стороне ребенка. Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2013. 717 с.
16. Драндров Г.Л., Богослова Е.Г., Сюкиев Д.Н. Критерии развития позитивной Я-концепции личности // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. №10-1. С. 143-148.
17. Дубровина И.В. Психологические проблемы воспитания детей и школьников в условиях информационного общества // Национальный психологический журнал. 2018. №1(29). С. 6-16.

18. Емелин В.А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности // Национальный психологический журнал. 2017. №2(26). С. 5-15.
19. Золотоверхова Н.В. Особенности «образа Я» «уличных» подростков // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2011. Том 11, №1. С. 44-49.
20. Иванченко В.А. Некоторые аспекты воспитания личности в неполной семье (по материалам исследований российских и зарубежных авторов) // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. №3. URL: http://psyjournals.ru/files/47081/psyedu_ru_2011_3_Ivanchenko.pdf (дата обращения: 13.02.2019).
21. Истратова О.Н., Яценко А.В. Роль семьи в становлении Я-концепции современных подростков // European Social Science Journal. 2013. №9-2(36). С. 263-268.
22. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 112 с.
23. Князева Т.Н., Семенова Л.Э. Подросток в зеркале социальных проблем: гендерно-феноменологический анализ: монография. М.: ФЛИНТА; Н.Новгород: Мининский университет, 2017. 172 с.
24. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
25. Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. М.: Время, 2017. 704 с.
26. Красильникова Е.Н. Интегральная индивидуальность отцов: личностное и временное развитие: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015. 193 с.
27. Мантрова М.С. Развитие образа Я современных подростков: дис. ... канд. психол. наук. Оренбург, 2013. 262 с.
28. Мелоян А.Э., Семенова Л.Э., Чевачина А.В. Особенности проявления защитных механизмов при развитии самооотношения подростков из полных и неполных семей // Вестник Мининского университета. 2015. №2. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/39> (дата обращения: 12.02.2019)/
29. Муратова Д.С., Филиппова Е.В. Представление об отце и отношении к будущему у девочек-подростков, воспитывающихся в разведенных семьях // На пороге взросления: сборник научных статей третьей Всероссийской научно-практической конференции. Серия «Психология развития». М.: МГППУ, 2011. С. 137-147.
30. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7, №3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n3/polivanova.shtml (дата обращения: 13.02.2019).
31. Поливанова К.Н., Смирнов И.Б. Что в профиле тебе моем: данные «ВКонтакте» как инструмент изучения интересов современных подростков // Вопросы образования. 2017. №2. С. 134-152.
32. Радугин А.А., Гурина Е.М. Основные характеристики эпохи постмодерна // Омский научный вестник. 2014. №5. С. 88-91.
33. Селиванова З.К. Ценностный мир российских подростков: формирование, динамика, управление (социологический аспект): монография. М.: Изд-во МЭИ, 2013. 200 с.
34. Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Шашкина Н.П. Реальное и зеркальное «Я» старших дошкольников с нормальным и задержанным темпом психического развития // Системная психология и социология. 2017. №4. С. 53-64.
35. Семенова Л.Э., Шашкина Н.П. Гендерная специфика идеального и антиидеального Я детей 7 лет с задержкой психического развития // Дефектология. 2014. №5. С. 34-45.

36. Семенова Л.Э., Шашкина Н.П., Барменков Ю.В. Особенности проявления эмпатии у мальчиков с нормальным и задержанным темпом психического развития, воспитывающихся в условиях отцовской депривации // Психология, социология и педагогика. 2015. №9. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/09/5801> (дата обращения: 13.02.2019).
37. Соколикова Н.М. Отражение «образа-Я» в рисунках детей из неполных (разведенных) семей // Психологическая наука и образование. 2009. №5. С. 45-51.
38. Талакова Е.А. Гендерные особенности Я-концепции в процессе личностного становления детей младшего школьного возраста: дис. ... канд. психол. наук. Н.Новгород, 2012. 186 с.
39. Толстых Н.Н., Прихожан А.М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2018. 406 с.
40. Фигдор Г. Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой: психоаналитическое исследование. М.: Наука, 1995. 376 с.
41. Фонталова Н.С. К вопросу о самоотношении подростков из неполных и полных семей // Сибирский психологический журнал. 2005. №21. С. 103-105.
42. Хухлаева О.В. Психология подростка: учебное пособие. М.: Академия, 2008. 160 с.
43. Чурилова Е.В., Орешкова Д.Д. Детство в неполной семье: влияние на взросление девушек // Экономические и гуманитарные науки. 2015. №10. С. 3-12.
44. Шаповал И.А., Фоминых Е.С. Самоотношение как феноменологическое поле диагностики психологических границ личности и ее здоровья // Клиническая и специальная психология. 2018. Том 7, №1. С. 13-27.
45. Bello C.B, Irinoye O., Akpor O.A. Health status of families: A comparative study of one-parent and two-parent families in Ondo State, Nigeria // African Journal Primary Health Care & Family Medicine. 2018. Vol. 10(1). Pp. 167-173.
46. Berger U., Keshet H. Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 104. Pp. 368-373.
47. Bukhalenkova D.A., Karabanova O.A. Perception of Success in Adolescents // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2016. Vol.233. Pp. 13-17.
48. Duineveld J.J., Parker P.D., Ryan R.M., Ciarrochi J., Salmela-Aro K. The link between perceived maternal and paternal autonomy support and adolescent well-being across three major educational transitions // Developmental Psychology. 2017. Vol. 53(10). Pp. 1978-1994.
49. Gasser G., Stefan M. (eds.) Personal Identity: Complex or Simple? Cambridge University Press, 2013. 268 p.
50. Gladkova A.A. The role of television in cultivating the values of pluralism and cultural diversity in children // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. No. 6. Pp. 138-143.
51. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education // Classics in the History of Psychology. 2011. Retrieved 16. November. Pp. 341-347.
52. Hess R., Handel G. Family Worlds: A Psychosocial Approach to Family Life. Transaction Publishers, 2016. 320 p.
53. Jekauc D., Wagner M.O., Herrmann C., Hegazy K., Woll A. Does Physical Self-Concept Mediate the Relationship between Motor Abilities and Physical Activity in Adolescents and Young Adults? // PloS one. 2017. No. 12(1). Pp. 122-134.

54. Khan S. et al. Exploring the Relationship between Adolescents' Self-Concept and their Offline and Online Social Worlds // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 55. Pp. 940-945.
55. Kuruzovic N. Characteristics of adolescents friendship relations: a longitudinal study of the quality, length, stability and reciprocity // *Facta Universitatis*. 2015. Vol. 2(14). Pp. 115-129.
56. Marino, C., Gini, G., Vieno, A., Spada, M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis // *Journal of Affective Disorders*. 2018. Vol. 226. Pp. 274-281.
57. Markus H., Ruvolo A. Possible selves: Personalized representations of goals // *Goal concepts in personality and social psychology* / In L.A.Pervin (Ed.). London, New York: Psychology Pres, 2015. Pp. 211-241.
58. Meeus W. Adolescent psychosocial development: A review of longitudinal models and research // *Developmental Psychology*. 2016. Vol. 52(12). Pp. 1969-1993.
59. Nelson S.C., Kling J., Wängqvist M., Frisé A., Syed M. Identity and the body: Trajectories of body esteem from adolescence to emerging adulthood // *Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54(6). Pp. 1159-1171.
60. Rattay P., Von der Lippe E., Mauz E., Richter F., Hölling H., Lange C., Lampert T. Health and health risk behaviour of adolescents—Differences according to family structure. Results of the German KiGGS cohort study // *PloS one*. 2018. No. 13(3). Pp. 241-251.
61. Van Lissa C.J., Keizer R., Van Lier P.A. C., Meeus W.H.J., Branje S. The role of fathers' versus mothers' parenting in emotion-regulation development from mid-late adolescence: Disentangling between-family differences from within-family effects // *Developmental Psychology*. 2019. Vol. 55(2). Pp. 377-389.

References

1. Agapov V.S. System study of the Self-concept of the subject in Russian psychology. *Akmeologiya*, 2013, no.1(45), pp. 27-30. (in Russ.)
2. Anderson P. The origins of postmodernism. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 208 p. (in Russ.)
3. Arkhireeva T.V. Gender features of critical self-attitude and its determination in children of primary school age. *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya*, 2011, no.2, pp. 98-105. (in Russ.)
4. Arkhireeva T.V. The main directions of research of the problem of paternity in psychology. *Psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i: sbornik tezisov VI-oi Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Chast' 1 / Pod red. O.A.Karabanovoj, E.I.Zaharovoj, S.M.CHurbanovoj, N.N.Vasyagina*. Moscow-Zvenigorod, Yekaterinburg, 2015. Pp. 549-564. (in Russ.)
5. Belinskaya E.P. Information socialization of adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psihologicheskie issledovaniya*, 2013, vol.6, no.30, p. 5. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858> (accessed: 13.02.2019) (in Russ.)
6. Belinskaya E.P., Tikhomandritskiy O.A. Problems of socialization: history and modernity. Moscow, MPSU Publ.; Voronezh, MODEHK Publ., 2013. 216 p. (in Russ.)
7. Berns R. Development of Self-concept and parenting. Moscow, Progress Publ., 1986. 420 p. (in Russ.)
8. Borisenko Yu.V. Psychology of fatherhood. Moscow-Obninsk, Ig-Socin Publ., 2007. 220 p. (in Russ.)

9. Bubnova I.S., Rorke V.I. Specifics of the current conditions of family upbringing of adolescents and its influence on the formation of their Self-concept. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2013, no.1(72), pp. 211-214. (in Russ.)
10. Buhalenkova D.A., Karabanova O.A. Features of self-assessment in adolescents with a different understanding of success. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2018, no.3(31), pp. 148-157. (in Russ.)
11. Varga A.J., Budinaite G.L. Modern marriage: the new trend. *Sistemnaya psihoterapiya supruzheskih par*. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2017. Pp. 7-24. (in Russ.)
12. Gurko T.A. New family forms: tendencies of distribution and concepts. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2017, no.11, pp. 99-110. (in Russ.)
13. Gurko T.A., Orlova N.A. Personality development of adolescents in different types of families. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2011, no.10, pp. 99-108. (in Russ.)
14. Dolgova V.I., Kosheleva A.A. Phenomenon Self-concept teenager. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no.7, pp. 139-143. (in Russ.)
15. Dolto F. On the side of the child. Yekaterinburg, Rama Publishing Publ., 2013. 717 p. (in Russ.)
16. Drandrov G.L., Bogoslova E.G., Sakiev D. N. Criteria for the development of a positive Self-concept of personality. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 2017, no.10-1, pp. 143-148. (in Russ.)
17. Dubrovina I.V. Psychological problems of education of children and schoolchildren in the information society. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2018, no.1(29), pp. 6-16. (in Russ.)
18. Emelin V.A. The crisis of postmodernism and the loss of a stable identity. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2017, no. 2(26), pp. 5-15. (in Russ.)
19. Zootovarov N.I. Features of "Self-image", "street" adolescents. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta*, 2011, no.11-1, pp. 44-49. (in Russ.)
20. Ivanchenko V.A. Some aspects of personal education in a single-parent family (based on the research of Russian and foreign authors). *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2011, no.3. Available at: http://psyjournals.ru/files/47081/psyedu_ru_2011_3_Ivanchenko.pdf (accessed: 13.02.2019) (in Russ.)
21. Istratova O.N., Yatsenko A.V. The Role of the family in the formation of Self-concept of modern adolescents. *European Social Science Journal*, 2013, no. 9-2(36), pp. 263-268. (in Russ.)
22. Kalina O.G., Kholmogorova A.B. The role of the father in the mental development of the child: monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2017. 112 p. (in Russ.)
23. Knyazeva T.N., Semenova L.E. Teenager in the mirror of social problems: gender-phenomenological analysis: monograph. Moscow, FLINTA Publ.; N.Novgorod: Mininskij universitet Publ., 2017. 172 p. (in Russ.)
24. Kon I.S. Discovery of "Self". Moscow, Politizdat Publ., 1978. 367 p. (in Russ.)
25. Kon I.S. A boy-father of a man. Moscow, Time Publ., 2017. 704 p. (in Russ.)
26. Krasilnikova E.N. Integrated identity of the fathers: personal and provisional development: the dissertation of the candidate of psychological sciences. Moscow, 2015. 193 p. (in Russ.)
27. Mantrova M.S. Development of the Self-image of modern teenagers: the dissertation of the candidate of psychological sciences. Orenburg, 2013. 262 p. (in Russ.)
28. Meloyan A.E., Semenova L.E., Chevachina A.V. Features of the manifestation of protective mechanisms in the development of self-adolescents from complete and incomplete families.

- Vestnik Mininskogo universiteta*, 2015, no. 2. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/39> (accessed: 12.02.2019) (in Russ.)
29. Muratova D.S., Filippova E.V. The Idea of the father and the attitude to the future in teenage girls brought up in divorced families. *Na poroge vzrosleniya: sbornik nauchnyh statej tret'ej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Seriya «Psihologiya razvitiya»*. Moscow, MGPPU Publ., 2011. Pp. 137-147. (in Russ.)
30. Polivanova K.N. Modern parenthood as a subject of research. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2015, no.7-3. Available at: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2015/n3/polivanova.shtml (accessed: 13.02.2019) (in Russ.)
31. Polivanova K.N., Smirnov I.B. That in profile you my: data "Vkontakte" as tool studying interests modern teenagers. *Voprosy obrazovaniya*, 2017, no.2, pp. 134-152. (in Russ.)
32. Radugin A.A., Gurina E.M. Main characteristics of the postmodern era. *Omskij nauchnyj vestnik*, 2014, no.5, pp. 88-91. (in Russ.)
33. Selivanova Z.K. Value world of Russian teenagers: formation, dynamics, management (sociological aspect): monograph. Moscow, MEI Publ., 2013. 200 p. (in Russ.)
34. Semenova L.E., Semenova V.E., Shashkina N.P. Real and mirror "I" of senior preschoolers with normal and delayed rate of mental development. *Sistemnaya psihologiya i sociologiya*, 2017, no.4, pp. 53-64. (in Russ.)
35. Semenova L.E., Shashkina N.P. Gender specificity of ideal and antiideal "I" of children 7 years with mental retardation. *Defektologiya*, 2014, no.5, pp. 34-45. (in Russ.)
36. Semenova L.E., Shashkina N.P., Barmenkov Yu.V. Features of manifestation of empathy in boys with normal and delayed rate of mental development, brought up in conditions of paternal deprivation. *Psihologiya, sociologiya i pedagogika*, 2015, no.9. Available at: <http://psychology.snauka.ru/2015/09/5801> (accessed: 13.02.2019) (in Russ.)
37. Sokolikova N.M. Reflection of the "Self-image" in the drawings of children from incomplete (divorced) families. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2009, no.5, pp. 45-51. (in Russ.)
38. Talakova E.A. Gender features of Self-concept in the process of personal formation of primary school children: the dissertation of the candidate of psychological sciences. Nizhny Novgorod, 2012. 186 p. (in Russ.)
39. Tolstykh N.N., Parishioners A.M. Psychology of adolescence. Moscow, Yurajt Publ., 2018. 406 p. (in Russ.)
40. Figdor G. Children of divorced parents: between trauma and hope: a psychoanalytic study. Moscow, Science Publ., 1995. 376 p. (in Russ.)
41. Fontalba N.S. The issue of self-relation of adolescents from single-parent and full families. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal*, 2005, no.21, pp. 103-105. (in Russ.)
42. Huhlaeva O.V. Psychology of a teenager. Moscow, Academy Publ., 2008. 160 p. (in Russ.)
43. Churilova E.V., Oreshkova D.D. Childhood in a single-parent family: the impact on the growing of girls. *Ehkonomicheskie i gumanitarnye nauki*, 2015, no.10, pp. 3-12. (in Russ.)
44. Shapoval I.A., Fominykh E.S. The Self-relation as a phenomenological field of diagnostic psychological boundaries of the individual and her health. *Klinicheskaya i special'naya psihologiya*, 2018, vol.7, no.1, pp. 13-27. (in Russ.)
45. Bello C.B., Irinoye O., Akpor O.A. Health status of families: A comparative study of one-parent and two-parent families in Ondo State, Nigeria. *African Journal Primary Health Care & Family Medicine*, 2018, vol.10(1), pp. 167-173.

46. Berger U., Keshet H. Gilboa-Schechtman E. Self-evaluations in social anxiety: The combined role of explicit and implicit social-rank. *Personality and Individual Differences*, 2017, vol. 104, pp. 368-373.
47. Bukhalenkova D.A., Karabanova O.A. Perception of Success in Adolescents. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 2016, vol.233, pp. 13-17.
48. Duineveld J.J., Parker P.D., Ryan R.M., Ciarrochi J., Salmela-Aro K. The link between perceived maternal and paternal autonomy support and adolescent well-being across three major educational transitions. *Developmental Psychology*, 2017, vol.53(10), pp. 1978-1994.
49. Gasser G., Stefan M. (eds.) *Personal Identity: Complex or Simple?* Cambridge University Press, 2013. 268 p.
50. Gladkova A.A. 2013 The role of television in cultivating the values of pluralism and cultural diversity in children. *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013, no.6, pp. 138-143.
51. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. *Classics in the History of Psychology*, 2011, retrieved 16, November, pp. 341-347.
52. Hess R., Handel G. *Family Worlds: A Psychosocial Approach to Family Life*. Transaction Publishers, 2016. 320 p.
53. Jekauc D., Wagner M.O., Herrmann C., Hegazy K., Woll A. Does Physical Self-Concept Mediate the Relationship between Motor Abilities and Physical Activity in Adolescents and Young Adults? *PloS one*, 2017, no.12(1), pp. 122-134.
54. Khan S. et al. Exploring the Relationship between Adolescents' Self-Concept and their Offline and Online Social Worlds. *Computers in Human Behavior*, 2016, vol. 55, pp. 940-945.
55. Kuruzovic N. Characteristics of adolescents friendship relations: a longitudinal study of the quality, length, stability and reciprocity. *Facta Universitatis*, 2015, vol.2(14), pp. 115-129.
56. Marino C., Gini G., Vieno A., Spada M.M. The associations between problematic Facebook use, psychological distress and well-being among adolescents and young adults: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders*, 2018, vol.226, pp. 274-281.
57. Markus H., Ruvolo A. Possible selves: Personalized representations of goals // Goal concepts in personality and social psychology / In L.A.Pervin (Ed.). London- New York: Psychology Pres, 2015. Pp. 211-241.
58. Meeus W. Adolescent psychosocial development: A review of longitudinal models and research. *Developmental Psychology*, 2016, vol.52(12), pp. 1969-1993.
59. Nelson S.C., Kling J., Wängqvist M., Frisén A., Syed M. Identity and the body: Trajectories of body esteem from adolescence to emerging adulthood. *Developmental Psychology*, 2018, vol.54(6), pp. 1159-1171.
60. Rattay P., Von der Lippe E., Mauz E., Richter F., Hölling H., Lange C., Lampert T. Health and health risk behaviour of adolescents – Differences according to family structure. Results of the German KiGGS cohort study. *PloS one*, 2018, no.13(3), pp. 241-251.
61. Van Lissa C.J., Keizer R., Van Lier P.A.C., Meeus W.H.J., Branje S. The role of fathers' versus mothers' parenting in emotion-regulation development from mid-late adolescence: Disentangling between-family differences from within-family effects. *Developmental Psychology*, 2019, vol.55(2), pp. 377-389.

© Семенова Л.Э., Серебрякова Т.А., Белаш Н.И., 2019.

Информация об авторах

Семенова Лидия Эдуардовна – профессор кафедры коррекционной педагогики и специальной психологии, доктор психологических наук, доцент, Нижегородский институт развития образования, Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunechka08@list.ru

Серебрякова Татьяна Александровна – доцент кафедры практической психологии, кандидат психологических наук, доцент, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3859-7450, Researcher ID: K-1099-2017, e-mail: e-serebrya@yandex.ru

Белаш Наталья Игнатьевна – магистр психологии, выпускница факультета психологии и педагогики, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, e-mail: natalia.i.belash@gmail.com

Information about the authors

Semenova Lydia Eduardovna – Professor of Department of correctional pedagogy and special psychology, Doctor of psychology, Assistant Professor, Nizhny Novgorod Institute of education development, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5077-394X, Researcher ID: O-6416-2017, e-mail: verunechka08@list.ru

Serebryakova Tat'yana Aleksandrovna – Assistant Professor of Department of Practical Psychology, Candidate of psychology, Assistant Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3859-7450, Researcher ID: K-1099-2017, e-mail: e-serebrya@yandex.ru

Belash Natalia Ignatyevna – magister of psychology, a graduate of the faculty of psychology and pedagogics, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: natalia.i.belash@gmail.com

Вклад соавторов

Семенова Лидия Эдуардовна – обзор литературы; разработка программы исследования, подбор методик; анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Серебрякова Татьяна Александровна – обзор литературы; сбор, анализ и интерпретация полученных данных, формулирование обобщающих выводов.

Белаш Наталья Игнатьевна – обзор литературы; сбор, анализ и интерпретация полученных данных.

Contribution of authors

Semenova Lydia Eduardovna – literature review; the development of research program, recruitment methods; analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Serebryakova Tat'yana Aleksandrovna – literature review; collection, analysis and interpretation of data, formulation of general conclusions.

Belash Natalia Ignatyevna – literature review; collection, analysis and interpretation of data.

Поступила в редакцию: 14.03.2019

Принята к публикации: 11.04.2019

Опубликована: 05.06.2019

Vestnik of Minin University. 2019. Volume 7, no. 2